

Можно согласиться с Р. Дворкиным в том, что судья должен быть философом, размышляющим о личности преступника и всем том, что его окружает, и что привело его к преступлению. Образ идеального судьи-философа – это, по сути, поиски духовного в праве, попытка мыслить право, исходя из личностно-субъективного, живого, жизненного самоощущения, внутреннего опыта и общезначимых, всечеловеческих ценностей, определяющих каждого в отдельности как субъекта права, так и субъекта общественных отношений, выражающего объективное, позитивное право.

В целом политико-правовые идеи американского ученого и мыслителя Р. Дворкина можно признать достаточно интересными, актуальными, инновационными и познавательными в современной правовой культуре.

Таким образом, теоретическое наследие И. Ильина о правосознании продолжает иметь огромное значение как в западной, так и в отечественной философии права.

ИДЕАЛ-РЕАЛИЗМ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ.

Марцева Л.М.

Кризис, начавшийся в августе 2008 г., по прогнозам продлится 5-7 лет, как и предыдущие мировые кризисы XX в. Прогнозируется также, что своего «дна» он достигнет где-то в 2012-2014 годах. Размышления о «неожиданности» для России современного кризиса вызывают ассоциативные аналогии из области философии истории. *Первое*, что акцентирует наше внимание – каждый новый рубеж веков для России – это кризис.

Рубеж XIX-XX вв. – это глобальный кризис буржуазного строя. Для нас это: русско-японская война, I-я мировая война, революции 1905 г. и 1917 г., гражданская война и агрессия Антанты против России. Разруха, безработица, эмиграция, поиски стратегических моделей развития (военный коммунизм, нэп, ускоренная индустриализация из-за ощутимой угрозы II-ой мировой войны). Суть событий коротко можно сформулировать так: внешний мировой кризис был локализован во внутренний российский кризис, сопровождавшийся взаимным уничтожением русских на собственной территории и вынужденными «разборками» с собственными «элитами».

Рубеж XVIII-XIX вв. – кризис монархий в европейских странах, нашествие Наполеона во главе не только французской армии, но меж-

дународных военных сил. Все европейские страны «помогали» сломить Россию: гибель миллионов солдат и мирных жителей, сожжение Москвы, разруха и горе, победа 1812 г., освобождение Европы. И вновь локализация международного (глобального) кризиса во внутренний российский кризис. Заговор «декабристов» 1825 г. и вынужденные «разборки» со своими «элитами».

Рубеж XVII-XVIII вв. – Петровские реформы. Это Стрелецкий бунт, взятие Азова (1696 г.), начало осады Нарвы (1699 г.), Полтавская битва (1709 г.), Северная война (1702-1721 гг.). В 1721 г. заключен Ништадтский мир, по которому Россия за 2000 талеров приобрела Ингерманландию, Эстляндию, Лифляндию, часть Карелии и Финляндии, 1724 г. – начало Северных экспедиций. И вновь локализация глобальных процессов в российские властные разборки, заложником которых, как и прежде, стал народ.

С 29 января 1725 г. по 6 мая 1727 г. императрицей оказалась дочь литовского крестьянина Марта Скаврнская (Екатерина I). После ее смерти по ее же завещанию императором стал внук Петра I, правивший до 1730 г. и умерший в 15 лет от оспы Петр II. В 1730-1740 гг. страной условно «правила» Анна Иоанновна, царствование которой историки называли «бироновщиной» по имени ее фаворита Бирона. 18 октября 1740 г. после смерти Анны Иоанновны, трон наследовал Иоанн IV Антонович. Казалось бы, победа либералов и западников очевидна. Но всего через неделю в ночь на 25 октября 1741 г. императрицей была провозглашена Елизавета Петровна, Иоанн же вошел в историю как загадочный узник Шлиссельбургской крепости. Вся после Петровская смута была войной российских «элит» за банальную собственность и власть. Дочь Петра I за 20 лет своего правления сумела выстроить в России «порядок из хаоса» (И. Пригожин).

Рубеж XVI-XVII вв. называется Смутным временем до воцарения в 1613 г. первого из Романовых Михаила Федоровича. С этим периодом часто сравнивают современные «страсти» в России, суть которых – предательство, разрушение и разграбление огромной страны СССР, превращение ее в сырьевую периферию глобального мира в обмен на «свободу и права человека» перестать быть человеком (что придется – есть, где придется – спать и беспрерывно веселиться, даже не размножаясь). Экскурс в отечественную историю смут и кризисов можно продолжать, и это отдельная большая тема.

Важно увидеть и осмыслить тенденцию. В ней, с одной стороны, очевидны внешние факторы, всегда связанные с попыткой изменить

ценностный мир русских, «лаской» или «таской» (на штыках) вытеснить и/или заместить православную ментальность русского мира. С другой стороны, при этом всякий раз оживляются и внутренние факторы, раскрывающиеся в стремлении элит угодить внешним силам и насильно заставить народ изменить веру на более «свободную» и/или на современном сленге – более комфортную.

Вторая особенность русских кризисов предельно выражена в современном, мучительном для коренных народов и более всего русского народа кризисе, не имеющем осмысленной стратегии и цели. Терминов, оправдывающих массовое вымирание и разложение национального бытия, запущено множество: трансформации, стратегия устойчивого развития, демократизация, модернизация, глобализация, постиндустриальная парадигма развития и прочее. Это предмет римейков и интеллектуальных постмодернистских игр и забав наших самозванных «элит». Но это и издевательство над здравым смыслом! Поэтому общественное сознание выделило доминанту всевозможных «парадигм» и определило главную *идею* ясными словами – ресурсы и «бабло». И со всей русской страстностью и рискованностью включился в «процесс пошел», как и велело начальство. Вообще «постижение» (А. Тойнби) истории России приводит к выводу о нашей потрясающей и в сущности детской доверчивости, о буквальном приятии в душу заповеди Христа «будьте как дети». Это описал Ф. М. Достоевский в образе *миллионера князя Мышкина*, назвав роман «Идиот». А далее – наша поразительная склонность к социальному экспериментированию, хотя цена жертв исторических «встрясок» неисчислима, если ее оценивать по критериям земного бытия.

В-третьих, современные встряски высвечивают удивительную и даже какую-то клиническую неспособность к обучению отечественных интеллектуальных элит. Эта интеллектуальная расслабленность, несамостоятельность и иждивенчество как неизлечимая умственная болезнь переходят из поколения в поколения. К примеру, современное бытие России, имеющие всевозможные научно-идеологические обоснования наконец-то «свободной от идеологического прессинга» отечественной науки предваряли простые и понятные предупреждения западных наставников наших интеллектуалов и реформаторов.

Дж. Сакс говорил о «другой анатомии» России, исключаяющей прямое заимствование чужих стандартов жизни. Прогнозы и предупреждения о «вдруг» наступившем кризисе известны задолго до его начала и именно в терминах общепринятого тезауруса по работам *Им.*

Валлерстайна. В 2003 г. (!) в русском переводе издана книга-предупреждение американского автора концепции мир-системы И. Валлерстайна «После либерализма». Он описал предстоящий *кризис мировой капиталистической системы*: «От других систем *капитализм* отличал сам его успех как создателя материальной продукции, что, казалось, устраняет все оправдания неравенства, выражаются ли они материально, политически или социально. Неравенство казалось еще острее, потому что оно отделяло не просто очень узкую группу от всех остальных, а не меньше, чем одну пятую или одну седьмую мирового населения, от всех остальных. Именно эти два факта – рост общего материального богатства и то, что не просто горстка людей, но и намного меньше, чем их большинство, могли жить хорошо – так обострило чувства тех, кто остался за бортом». ¹ И. Валлерстайна не смутила старая терминология, он применил классовый подход, назвал капитализм капитализмом, социально-экономическое неравенство – неравенством. Остается удивляться простоте, которая «хуже воровства», российских политических и интеллектуальных элит при заблаговременности столь солидных предупреждений.

В начале кризиса и *Дж. Сорос* признался: «Рыночные фундаменталисты до последнего момента пребывали в уверенности, что рынки будут саморегулироваться. Это – заблуждение! Мыльный пузырь лопается с тем большей силой, что на протяжении последних 25 лет мы позволили развиваться разнообразным инструментам банковских манипуляций – продуктам, производимым от долговых обязательств в ценные бумаги, - ошибочно полагая, что временные нарушения равновесия - случайность... Сегодня взрыв суперпузыря приводит к разрушительным последствиям для США и Европы, но также для развивающихся рынков и *России*, которые теперь являются частью системы» (фр. газ. «Le Nouvel Observateur», 06.10.2008). Названные Д. Соросом *25 лет* - продолжительность «либеральной реформации» России, начавшейся в 1984 г. с перестройки. Иначе говоря – это 25 лет наших собственных заблуждений и интеллектуальных игр в постмодернизм на фоне разрушительных процессов. По заключению Федерального бюро расследований (ФБР) *финансовый кризис имеет криминальные корни*: мошенничество с ипотекой (пирамиды финансовые), и торговля корпоративными ценными бумагами – деривативами – виртуальными деньгами. По данным В. Овчинского, сегодня

¹ Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М., 2003. С.249.

выпущено деривативов на сумму 600 триллионов долларов, а весь мировой ВПК на начало 2009 г. составляет 58 триллионов долларов, т.е. денег в 12 раз больше стоимости мирового ВПК. Д. Коэн называет посредническую банковскую систему теневой экономикой и оценивает ее сегодня в 10 триллионов долларов, приравнивая к классической финансовой системе современного мира.

Как видим, докризисная и кризисная ситуация описываются с помощью понятия деньги даже без упоминания людей, антропологическим свойством который является труд. Деньги, не наполненные реальными (и именно производственными, включая производство технологических циклов новейшего поколения) ценностями, *созданными трудом в «поте лица»* – это и есть бесплодный способ жизни, та смоковница, которая засохла и *не дает плода*. В этом суть западной цивилизации, ориентированной на прибыль, что должно бы охладить пыл наших склонных к римейкам западников – глобалистов и развернуться к реальным проблемам русского мира, доведенного до опасной черты *национального выживания*. Ведь ампутация у человека, предназначенного Богом и природой к труду, этого его основного отличительного качества – это главная причина пьянства, наркомании, самоубийств, беспрецедентной смертности, деградации и т.д.

Социальный дарвинизм и беспредельное хищничество российского либерализма в лице западных благодетелей, маргинальной интеллигенции, беспрецедентно коррумпированного чиновничества перепугали Запад не меньше, чем коммунизм по-советски, т.к. последний, как утверждал в XX в. А. Тойнби, нес миру *угрожающие* западному либерализму *положительные идеалы*, вызывавшие симпатии народов всех стран. «Российский коммунизм также бросает Вызов либерализму на его родной земле, в западных странах», – писал А. Тойнби.¹ Можно сказать, что, предельно проявив *отрицательные черты*, российский либерализм также бросил Вызов либерализму на его родной земле – Западе, и в тех регионах мира, где он попытался закрепиться. На вызов либерализма по-русски Запад ответил продвижением НАТО на восток.

Наконец, сколько же написано научных, литературных, публицистических и т. д. томов русскими мыслителями о российской специфике западных заимствований!? «Ленивы и не любопытны» – огорчался еще А.С. Пушкин.

¹ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. 2-е изд. М., 2003. С.220.

Ведь у нас есть А. Ф. Лосев, ожививший тысячелетиями существующую диалектику слова и вещи. Он настаивал, что диалектика суть наука, т.к. осмысление всякой вещи (анализ, синтез, выявление связей с другими вещами) требует определенных правил и обобщений. Осознание «живой непосредственной данности» выражается в абстракциях, передающих «логически осознанные закономерности» наблюдаемой и ощущаемой реальности. «Почему вы не боитесь абстракции в математике, в физике, в механике? – спрашивает А.Ф. Лосев, – Почему вы даете химические формулы, которые ведь не суть же сами химические вещества и процессы... Всякая научная формула есть необходимо абстракция, ибо хотя она и получена из опыта и только из опыта, она – анализ опыта, логика опыта, числовая закономерность опыта...» Наука, по словам философа, сама по себе не является жизнью, она есть только осознание жизни: *«Жизнь не нуждается в науке и в диалектике. Жизнь сама порождает из себя науку и диалектику [выделено нами – Л. М.]*. Нет жизни, нет верного восприятия жизни – не будет ничего хорошего и от диалектики, и никакая диалектика не спасет вас...».¹

У нас есть ноосферного ранга труды А.С. Панарина, написанные в разгар современных реформаций на рубеже текущих веков. Западные теории и опыт, разъясняя он, насыщаясь историческим самосознанием, национальной интуицией, православной ментальностью, географической и социальной плотью российского бытия изменяются до неузнаваемости, превращаясь в совершенно иные, отличные от заимствованных феномены. А.С. Панарин назвал эту специфику *мобилизационным западничеством* и отмечал, что эффективность «тонкой игры избирательных заимствований» продемонстрировал еще Петр I, «заимствующий западные промышленные и организационно-управленческие технологии для строительства России как сверхдержавы». Но русский тип мобилизационного западничества, синтезирующий черты «адепта передовой цивилизации» и социокультурные национальные основания «со временем стал все меньше нравиться самому Западу». А.С. Панариным описаны иллюзии и искушения очередной западной экспансией, названной глобализмом, суть которого – разрушение национальных государств и экономик.² А.С. Панарин объясняет особенность заимствований на примере современных

¹ Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С.18-20.

² Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2003.

реформ, когда на вооружение берется новое для нас «великое учение», в данном случае либерализм. Из целостной системы выделяется какая-то особенно *привлекательная для нас доминанта*, в нашем случае – это «расслабляющий» эмансипаторско-гедонистический пример (свобода и удовольствия). Далее либерализм по-нашему «сохраняя во многом лексику прежнего классического либерализма, насыщает ее новым содержанием».

В нашей интерпретации лозунгами либерализма стали: мораль успеха, открытое общество, права человека. При этом «мораль успеха открыто противопоставляется всем разновидностям коллективного долга: не человек для общества, а общество для человека». Но человек без общества жить не может, поэтому предложенная альтернатива оказывается ложной: «Мораль успеха на деле оказывается апологетикой социального дарвинизма и ничем не стесненного, не знающего пределов хищничества». Такое превращение «быстро ведет от продуктивной экономики к господству теневой, основанной на спекуляциях, рэкете, мафиозных акциях и прямом грабеже». ¹ Потребительское общество «обволакивает» искушениями, обольщает житейскими удобствами и невыносимыми удовольствиями, но массовый «потребитель» и «пользователь» современной России все-таки интуитивно *чувствует греховность* нового образа жизни, особенно на фоне беспрецедентного социального разрыва между богатством и нищетой.

Да ведь еще Ф. И. Тютчев оставил нам в наследство методологию «постижения» России – «умом не понять и можно только верить». Именно этот способ познания отношений человек-мир получил в русской философии более-менее общее название методологии идеал-реализма. Русская философия обычно определяется как религиозная философия и философия реализма, а ее метод в процессе становления назывался «религиозным материализмом» (В. С. Соловьев), «мистическим реализмом» или «религиозным реализмом» (С. Н. Булгаков), «идеал-реализмом» (Н. О. Лосский). Пришло время обобщить терминологические искания наших предшественников и определить методологию русской философии *единым термином - идеал-реализм*.

Для познания России мало *рационального* мышления, надо присоединить нечто *иррациональное* – веру, идеалы, духовно-нравственные ценности, традицию, историческое самосознание нации. С учетом идеальной, трансцендентной составляющей нашей истории можно определить ее смыслы.

¹ Панарин А.С. Правда железного занавеса. М., 2006. С.179-181.

Суть нашей истории, *во-первых*, в конкретно-предметном *поиске* такой социальной организации, которая соответствовала бы вековым *идеальным* представлениям людей о человеческом достоинстве и социальной справедливости. В основе рискованного (бунтующего) стереотипа поведения эмоционально-психические особенности национального характера. И. А. Ильин определил их как *интенсивность* (напряженность, усиленность) *бытия*. Русский характер – это «*безмерность в проявлении чувств и достижении цели*», «действенная мечта о конечном, желание заглянуть в необозримую даль, способность не страшиться смерти».

Во-вторых, суть нашей истории – это *реализация справедливости* в постоянном *процессе совершенствования* социальных отношений, а шире – в конкретно-воплощаемой в различных социальных экспериментах и формах устремленности к совершенству человеческого общежития. И. А. Ильин назвал эту национальную черту «*инстинктивной (врожденной) устремленностью к совершенству, красоте, преобразению мира, достижению гармонии*». Отсюда рискованность и в социальных преобразованиях, и в расставании с тем, что не соответствует идеалам совершенства.

В-третьих, способность к социальному экспериментированию связана с развитым национальным качеством, определенным И. А. Ильиным как «*житейская мудрость*», выработанная природой, которая «за любой бытийный шаг заставляет расплачиваться тяжким трудом и лишениями». Сегодня *природа отрезвляет* наше общество техногенными и экологическими катастрофами, не обоснованными ничем, кроме либерализации в хозяйственной и финансово-дисциплинарной сфере (по-русски – алчности и безответственности) ради чистогана и наперекор «житейской мудрости» – здравому смыслу и реальным страданиям людей. Раскрывая русский характер, И. А. Ильин пишет о развитой *интуиции, предусмотрительности и проницательности, чутье и догадливости, понимании* грозной природы и событийных сюжетов. Особенности национального характера коренятся в усвоенных религиозно-нравственных доктринах православия и ислама, что позволяет быстро, иногда мгновенно различить истину и ложь, добро и зло, честь и бесчестье.¹ Поэтому в России затруднена эффективность PR-технологий и информационных манипуляций сознанием. В очередной раз реформируя Россию «напролом», наши элиты не хотят учитывать, что 56% граждан положительно относятся к

¹ Ильин И.А. О русской культуре // Собр.соч.: В 10 т. Т.6, кн.2. С.381-387.

Октябрьской революции, а сегодня 44% приняли бы в ней участие, т. к. она открыла равные возможности и реализовала огромный потенциал всенародного созидания. Сегодня считают новую систему totally несправедливой 50% (каждый 2-ой), а советскую – только 20%. Против приватизации – 62%, за плановое хозяйство – 40%, положительно оценивают историческую роль Сталина – 51%, и только 7-10% считают, что свобода имеет какую-то ценность. В хозяйстве РФ сегодня занято 68-69 миллионов человек, при этом 37% населения не читают книг, за 15 лет в 5 раз ухудшилась способность детей понимать и внятно пересказывать учебную литературу¹.

Конечно, идет интенсивный процесс оглупления нации. Ведь задолго до кризиса проблемы озвучены. По заявлению министра А. Фурсенко государство ежегодно нуждается в притоке 175 тыс. специалистов с высшим образованием. В 2005 г. в стране было 5985 тыс. студентов в государственных и 1079,3 тыс. в частных вузах, т.е. более 7 млн. человек с ежегодным выпуском 1152 тыс. чел. Вывод академика М. Н. Руткевича: «Число вузов и их филиалов, особенно частных, нуждается в сокращении. Это не очень сложная «процедура», но «перспективы развития образования во многом зависят от *коренного изменения курса* социально-экономической политики»². Озвучена *преобладающая* в коллективном сознании оценка системы образования, качество которого ущербно и противоречит стратегическим задачам России. Другая сторона этой же темы – кадровый кризис на предприятиях. Сегодня доля работников, которые, по мнению руководителей, соответствовали бы профессиональным требованиям, составляет примерно 40%. Директора предприятий даже при избытке кадров отмечают «острую нехватку квалифицированных кадров – как специалистов, так и рабочих».³

Но даже вопреки массовому оглуплению через образовательные стандарты либерализм, «разоблаченный» обществом до видимости «голого короля», постепенно вытесняется из содержательной части реформ, в которых иногда прорываются осмысленные действия, сообразных с национальными интересами России. А. С. Панарин вслед за Н. Я. Данилевским назвал раздражение Запада по поводу, как про-

¹ Дондурей Д. Русская культура не проигрывает // Москва. 2008. №1. С.56.

² Руткевич М.Н. Образованность в постсоветской России: противоречивость процесса // Социологические исследования. 2007. №12. С.16-17.

³ Рывкина Р.В., Коленникова О.А. Кадровый кризис на промышленных предприятиях России // Социологические исследования. 2007. №8. С.56.

валов, так и успехов в историческом развитии России общим местом взаимоотношений России и Запада. Сейчас, как и прежде, наших друзей и/или партнеров настораживает сама возможность возникновения из социально-экономического хаоса модели национального хозяйства посредством своеобразного применения технологий мобилизационного западничества в реалиях новейшей истории.

Скепсис граждан РФ в отношении трансляции либеральных «учений» и «проектов» основан на интуитивном различении лжи и правды, укорененном в национальном сознании. Наш способ мышления – это нераздельность и взаимосвязь идеального и реального, выраженные в целостной методологии идеал-реализма русской философии. Ее отличие в том, что она выразила своеобразие истории России, русской жизни и русского сознания, которые, по утверждению Ю.В. Мамлеева, принципиально не укладываются в «рационалистическую поверхность бытия». Такое «выпадение», «невместимость» во внешнюю прагматику социально-исторических процессов «приводит некоторых иностранцев к заключению о психологической «инопланетности» русских». Ю.В. Мамлеев полагает, что именно выпадение «из мертвой, рационалистической поверхности жизни современного мира... дает возможность русским творить вторую реальность, второй план жизни». ¹

Но ведь русская философия уже многократно доказала свою познавательную продуктивность. По-видимому, именно это неодолимое препятствие на пути ее признания актуальной методологией познания. Другая причина, в том самом «верить», на котором настаивал Ф. И. Тютчев и которое возникает только как диалог с Богом. Человек должен захотеть обратиться к Богу и Господь услышит. Поэтому не весь философский дискурс, а лишь русская философия обладает внутренним единством теоретико-познавательных практик в виде методологии *идеал-реализма*. Суть этой методологии в осмыслении гносеологических, онтологических и социальных проблем во взаимосвязной целостности *идеального и реального* и/или *осмыслении связей трансцендентального и действительного бытия*. Русская философия передает экзистенциальную внутреннюю «неустроенность» бытия, объясняя ее через совмещение, противопоставление и сопоставление *первой* реальности – антропологической и социальной со всей ее «суею сует», порочностью и мертвечиной, и *второй* реальности – идеальной и совершенной. Иначе, универсальность русской философии в познава-

¹ Мамлеев Ю.В. Россия вечная. М., 2002. С.44-46.

тельной практике выявления *сущностных взаимосвязей и единства идеального и реального бытия*, что придает ей методологическую и содержательную завершенность.

Представляется, что советская философия, обозначенная как марксизм-ленинизм, в отечественной, искаженной атеистическим безвременьем интерпретации, все-таки несла существенные черты идеал-реализма. Ведь и сегодня трудно разобраться, где она отражала и осмысливала *реальность*, а где задавала *идеальные* в новейшей терминологии тренды. Новое поколение *сдержаннее и добрее* в оценках советского общества, названного «Уникальной конструкцией»: «Коммунисты сделали ставку на логику, но логика не может быть фундаментом совести. Призывы соблюдать заповеди Христа, изложенные в их моральном кодексе, ни к чему, кроме двойной морали, не привели. И все же *мы снимаем перед ними шляпу*. То, что они сделали, предстоит еще осмыслить будущим поколениям, свободным от личных обид... Их подвиг предстает в необычном свете. Они отдавали жизнь, зачастую принимая мученическую смерть, за идеалы, выведенные из христианства, не имея надежды на воздаяние в другом мире»¹.

Актуализация методологии идеал-реализма в современном глобальном мире равно открывает путь к *целостному* знанию в естественнонаучных, гуманитарных и технических исследованиях. Российский научный дискурс новейшего времени уже во многом содержит основанием исследований идеал-реализм, в частности, принцип воссоединения веры и знания, науки и религии, подкрепление аналитики ссылками на фундаментальные богословские тексты. Сегодня философский синтез различных уровней реального и идеального бытия вырастает из онтологического устремления к идеальному, духовному, нравственно совершенному в реальной жизни. Наряду со сходством в оценках российских реалий в обществе есть сходство в тенденции массового обращения к духовным и конкретнее – религиозным верованиям, что иногда позволяет ораторам говорить о религиозном Ренессансе в России.

Многое в современном общественном сознании и исследовательских практиках, тяготеющих к метафизике, объясняет блестящее замечание А.Ф. Лосева о том, что «*метафизика вместо глаз дает точки зрения*», а *диалектика позволяет видеть вещь целиком*, осознать и осмысливать явление во всех его онтологических связях и

¹ Проект России. М., 2007. Кн. I. С. 184.

отношениях с живой реальностью. По словам А. С. Панарина, диалектика у А. Ф. Лосева предстает методологией христианского просвещенного универсализма применительно к общеисторическому процессу.¹ Это позволяет видеть место не предавшей православных ценностей и идеалов в трагическом XX в. России в динамике современного мира, включая объективные стороны глобальных процессов и субъективные факторы глобализации.

К тому же, разъясняя диалектическое единство материального и идеального, А. Ф. Лосев писал, что *«диалектика стоит на точке зрения абсолютного эмпиризма»*. Сама диалектика не является непосредственным опытом, но только *осознанием* опыта. Поэтому, говорит А.Ф. Лосев, диалектика не повинна ни в каком опыте, она не есть учение о каком-нибудь определенном опыте во всей его полноте и индивидуальных особенностях. Диалектика есть *«учение о необходимых для всякого опыта логических скрепах, о смысловых основах всякого опыта... Диалектика есть просто глаза, которыми философ может видеть жизнь. Абсолютный эмпиризм диалектики не означает тупого и слепого эмпиризма, который несознательно следует за неразберихой фактов и во имя чистоты опыта жертвует ясностью и строгостью мысли. Диалектика – абсолютная ясность, строгость и стройность мысли. Это абсолютный эмпиризм, ставший абсолютной мыслью»*. Таким образом, – заключает А. Ф. Лосев, – диалектика не сводима ни к формальной логике, ни к метафизике, ни к феноменологии, ни к эмпирической науке. Но диалектика *«лежит в основе всякого разумного отношения к жизни. Вся жизнь насквозь есть диалектика, и в то же время она – именно жизнь, а не диалектика, она – неисчерпаемая, темная глубина непроявленных оформлений»*.²

Исходя из определения А. Ф. Лосевым диалектики как абсолютного рационализма в отношении абсолютного эмпиризма, как *«просто глаза, которыми философ может видеть жизнь»*, можно признать, что методология идеал-реализма максимально приближает нас к осознанию логических «скреп» и смысловых связей эмпирической данности, которая в русской философии всегда оказывается ее непосредственным объектом. Методология идеал-реализма – это познавательная практика аналитического оформления эмпирической неоформленности, диалектического установления тождества живого опыта и мысли,

¹ Панарин А.С. Духовные катастрофы нашей эпохи на языке современного философского знания // Москва. 2004. №1. С.93.

² Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С.21-23.

превращения эмпиризма в аналитику. Поскольку идеалом для русской познавательной традиции остаются преимущественно христианские истины, заповеди и образы, то духовно-нравственные идеалы, включая их субъективные интерпретации и крайние искажения, отыскиваются, обнаруживаются и находятся непосредственно в реальной действительности, реальной практической деятельности индивидов и социума. Философский синтез различных уровней реального и идеального бытия вырастает из онтологического христианства в его креативном *осуществлении*, а общепринятой *мерой совершенства* выступает *соответствие* реальности заданному христианством *абсолютному идеалу*.

Тоску по идеалу фиксируют сегодня многие исследователи, и даже политики пытались искать очередной раз «русскую идею». Точно сформулировала тему «тоски по идеалам» Н. А. Нарочницкая: «Общество устало презирать свое Отечество, как это было модно в период перестройки и реформ. Пора дать здоровую основу для национального чувства, неискоренимого, имманентно присущего, как любовь к матери, Освященное высшими этическими и духовными целями, оно может быть побуждением к историческому творчеству. Подавляемое, лишенное моральной санкции – оно деградирует и рождает уродливые плоды. Не стоит удивляться, что в низкокультурной среде и молодежной субкультуре появляется зоологический или языческий эгоцентризм, который, конечно, не имеет шансов на успех, так как русские – не тевтоны. Он бесплоден, ибо ищет лишь, против кого действовать, но не способен сформулировать положительную цель – *за что мы и зачем живем*». ¹ Но политики и экономисты все больше рассуждают о деньгах, и упорно не хотят думать о надвигающейся тотальной безработице и о новых тенденциях в развитии труда. А ведь обществу уже ясно, что адекватным ответом России на вызовы новейшей истории могут стать духовно-нравственное образование и тяжелый, упорный труд, к которому нам не привыкать! Тем более что специфика русского труда – именно единство материального и духовного.

В нашем историческом опыте хозяйствования и в теоретических разработках, есть испытанные на социальную продуктивность старые принципы и новейшие теоретические обоснования русской цивилизационной модели хозяйствования. Цивилизационной особенностью, обусловленной природой, ментальностью, православной этикой, рис-

¹ Нарочницкая Н.А. Повестка дня для России // Наш современник 2007. №11. С.241.

кованными условиями жизни, является высокий социальный статус труда, характерный для русской нации. Об этом свидетельствует «Домострой», русский фольклор, особенно сказки, в которых героями всегда оказываются труженики, и именно им чудесно помогают различные сверхъестественные персонажи. О высоком нравственном и социальном статусе труда свидетельствует В. И. Даль, собравший пословицы и поговорки русского народа, демонстрирующие ментальные установки нации. «Каков работник – такова ему и плата», «Каков промысел, такова и добыча», «Едим чужое, носим краденое». «Праздность – мать пороков», «Лентяй да шалопай – два родных брата», «Ест руками, а работает брюхом», «С печи сыт не будешь. Кормит не печь, а руки», «Станешь лениться, будешь с сумой волочиться», «От трудов праведных не нажить палат каменных». «Как проживешь, так и прослывешь», «Честь честью, а дело делом. Честь по заслугам», «Иглой да бороной деревня стоит».¹

Особенности хозяйственной этики мировых религий проанализировал М. Вебер. Выявлением православных оснований русского хозяйства сегодня интенсивно и успешно занимается Институт русской цивилизации под руководством О. А. Платонова. Духовно-нравственные приоритеты хозяйственной деятельности в России разрабатывают Н. Н. Зарубина (Москва), К. П. Стожко (Екатеринбург), Н. М. Чуринов (Красноярск), Л. Н. Шабатура (Тюмень) и многие ученые РФ. В традиционном варианте *социальная форма труда* (способ занятости) в русской цивилизации выступает как предельная универсализация хозяйственной и вне хозяйственной жизни, где труд выступает как органическое средство гармонизации жизни человека и общества. Суть гармонизации труда и жизни в русской цивилизационной модели удачно передана в одной из заонежских сказок, где ценность труда описывается на примере *беззаботного* монастыря:

«Как-то раз Петр I проезжал по местности, как он любитель был ездить смотреть Россию. Пришлось ехать по одному месту, видит надпись «Беззаботный монастырь». Его заинтересовало, что это такое – «Беззаботный монастырь»? Остановился, зашел, спрашивает игумена:

- Меня заинтересовала ваша надпись, что означает ваш «Беззаботный монастырь»?

Игумен отвечает:

¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. СПб., 1996. Т.1. С.325, 327, 369; Т.2. С.52, 253, 255, 261, 269; Т.3. С.50, 113, 360).

- А кто вы будете?

- Я буду император Петр I.

Но игумен и говорит:

- Я вам разьясню, что такое «Беззаботный монастырь». Вот пойдете, я вам все докажу, из-за чего у нас зовется «Беззаботный монастырь».

В первую очередь повел по полям, по лугам, к скоту; что выращивают – показал – в саду, в огороде.

- Но теперь посмотрим, что у нас по хозяйству есть: кузнецы, золотых дел мастера, богомазы. Вот у нас беззаботный монастырь. Мы никуда не обращаемся, ни к кому ни за чем не обращаемся, все сами делаем, поэтому у нас и надпись такая, ни об чем не заботимся о другом...»¹.

Трудно сказать, какие социальные технологии могут быть применены для оздоровления идеального (духовно-нравственного) и материального (хозяйственного) пространства русского мира. Но это сегодня вопрос жизни и смерти нации, а значит это необходимо делать. Выйти на новый виток гармонизации духа, души и тела в человеке и обществе, на путь устремленности к совершенству трудно психологически, интеллектуально и организационно. Но судьба России никогда не была легкой, а народ мы изобретательный и трудолюбивый.

А. Ф. Лосев писал: «Родина требует жертвы. Сама жизнь Родины – это и есть вечная жертва». И далее: «В самом понятии и названии «жертва» слышится нечто возвышенное и волнующее, нечто облагораживающее и героическое. Это потому что рождает нас не просто «бытие», не просто «материя», не просто «действительность» и «жизнь», – все это нечеловечно, надчеловечно, безлично и отвлеченно, – а рождает нас Родина, та мать и та семья, которые уже сами по себе достойны быть, достойны существования. Которые уже сами по себе есть нечто великое и светлое, нечто святое и чистое. Веление Матери Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери Родины неотвратимы. Бессмысленна жертва какой-то безличной и слепой стихии рода. Но это и не есть жертва. Это просто бессмыслица, ненужная и бестолковая суматоха рождений и смертей, скука и суэта вселенской, но в то же время бессмысленной животной утробы. Жертва же в честь и во славу Матери Родины сладка и духовна. Жертва эта и есть то самое, что единственно только и осмысливает жизнь. Преступле-

¹ Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа / Под ред. О.А. Платонова. Том - Русское хозяйство. М., 2006. С.8.

ние, жестокость, насилие, человеконенавистничество, – все это ополчается на нас и на нашу Родину. Но все это только и можно и нужно одолеть ради благоденствия Родины. Возмутиться отдельным преступным актом и вступить с ним в борьбу – мало. Это и всякое животное вступит в борьбу за то, что оно считает принадлежащим себе. Нет, побороть противника не ради себя и не ради своей идеи, и даже не ради только ближнего, а ради самой Родины, – вот где подлинное осмысление всякой человеческой борьбы против зла». ¹ Это и должно стать уроком нашей очередной смуты.

ЦЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Князев В.М.

Человек, осмысливающий процесс своего существования, как бы «взвешивает» значимость своего места и роли в социальных отношениях, то есть сравнивает значимость своей позиции со значимостью позиции *референтной группы*, представители которой занимают престижное место в социальной иерархии и играют в общественной жизни значимую роль.

Человек меру своего «могу» измеряет мерой *могущества* представителя референтной группы. Образец поведения представителей референтной группы *желателен* для него в силу их престижности, является *должным* в силу утвердившегося в общественном сознании положительного имиджа, и даже *обязателен* из-за их причастности к действующей власти.

В этом акте самосознания человеческая воля находит *целевые ориентиры*, научается видеть своим практическим разумом то, что жизненно значимо для человека и что ведет его к *успеху*. Так как сила воли, решимость, дисциплина производны от ясности и убедительности доводов разума, то практический разум невольно становится теоретическим разумом, который ставит вопрос об истинности волевых установок человека, о подлинной предметности того, что стоит реально за целевыми установками воли и решает в той или иной мере эти вопросы. Решает их основательно, системно, широко.

Теоретический разум на виртуальном экране умозрительного представления рисует картину существующих общественных отношений и обозначает с позиции «должного» место и роль человека в

¹ Лосев А.Ф. Я сослан в XX век... М., С.544-545.